

В ПОИСКАХ ДРУГОГО МЕЙНСТРИМА

В.С. Мартьянов

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, директор Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, email: martianov@instlaw.uran.ru

Мартьянов В.С. В поисках другого мейнстрима. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 112-131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>

Статья поступила в редакцию: 07.12.2020. Принята к публикации: 17.02.2021

Аннотация. Конец истории оказался началом конца глобальной иерархии политических понятий Запада, в центр которой помещались общества, идентифицирующие себя как рыночные либеральные демократии. В настоящее время можно наблюдать последовательное ослабление западной экономической, политической и военной гегемонии относительно поднимающихся незападных центров силы. Мир снова движется к конфликтной многополярности, которая определяется рядом фоновых факторов, влияющих на все современные общества. Это достижение пределов емкости глобальных рынков и модели бесконечного экономического роста, кризис классовой стратификации обществ, усиление неравенства, кризис социальной политики, в центре которой находилась трудовая и военная полезность граждан. Указанные изменения позволяют сформулировать два взаимосвязанных тезиса, развернутых в статье. Первый: глобально изменившаяся экономическая и политическая онтология, которую можно описать как рентный поворот, больше не может быть убедительно описана с позиций мейнстрима, идеологически легитимирующего западную гегемонию. Второй: все большую релевантность обретают концепции, альтернативные неолиберальному мейнстриму. Они не обнаруживают в современных обществах тех качественных политических, экономических и культурных различий, с помощью которых обосновывались интеллектуальные и институциональные мейнстримные иерархии. Альтернативные описания базируются, прежде всего, на критической переоценке капитализма, демократии и рынка как незаменимых элементов Современности (Модерна), составляющих либеральный консенсус в ее основе. Под публичными идеологическими вариациями либерального консенсуса повсеместно обнаруживаются скрытые механизмы властесобственности, рентоориентированного поведения, олигополий, наследственной передачи власти и экономической политики, далекой от принципов саморегулируемой рыночной конкуренции. Неолиберальный мейнстрим продолжает классифицировать указанные тенденции как *архаизирующие, травмирующие и недостойные* отклонения, которые необходимо привести к *норме*. Парадокс в том, что сама либеральная демократия перестает быть нормой, превратившись в специфический идеал политического устройства, все менее достижимый даже в западных обществах, где этот идеал считался реализованным практически. В статье утверждается, что фундаментальные изменения, первоначально оцениваемые в рамках либерально-рыночной модерности как архаизирующие (неофеодализм, неопатримониализм, рентно-сословное общество и т.д.), онтологически будут только усиливаться. Они могут привести к формированию исследовательского консенсуса по поводу альтернативной *нормальности* обществ XXI в., которая все чаще предстает как усиление рентно-сословных принципов стратификации и периферизация рыночно-демократических метафор и нарративов в дискурсе легитимации политических режимов.

Ключевые слова: мейнстрим, либеральный консенсус, гегемония Запада, многополярный мир, пределы роста, легитимация, рентное общество, неофеодализм, неопатримониализм, мягкая сила.

МЕЙНСТРИМ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕГЕМОНИИ

Любые политические классификации являются отражением представлений их бенефициаров не только об истинном и неистинном, но и одновременно о правильном и неправильном, благе и зле, и, в конечном счете, о сущем и должном. Поскольку классификации создаются субъектами, находящимися внутри общества, а потому не способными его полностью объективировать в рамках субъект-объектной парадигмы, то они всегда являются заведомо неполными и ангажированными. Подобная неполнота обусловлена историчностью и рукотворным характером любого социально-политического и экономического порядка, образуемого совместной деятельностью людей. Познующие субъекты невольно или вполне сознательно перестают различать свои представления об истине и благе, либо выводят первые из вторых, пользуясь разными наборами критериев, универсальность которых в свою очередь невозможно определить в связи с принципиальным отсутствием незаинтересованных судей. Субъекты всегда занимают определенное классовое, национальное, этническое, экономическое, идеологическое положение и существуют в историческом контексте. Все это не позволяет окончательно разграничить в общественных науках эмпирические факты и их интерпретации/оценки: «разделение истины и блага лежит в основе ‘двух культур’». Философия (или, говоря более широко, гуманитарные науки) должна была заниматься исключительно поиском блага (и совершенства). Наука же настаивала на том, что имеет монополию на поиск истины» [Валлерстайн 2004: 251].

Нормативный дискурс общественных наук неизменно отражает интересы доминирующих социальных сил, заинтересованных в сохранении имеющегося политического и экономического порядка, интерпретируемого как гармоничный (естественный, совершенный, абсолютный, справедливый, прогрессивный и т.п.), и приостановке неизменно *пагубного* социального реформирования и экспериментирования. Поскольку последнее чревато переворотами и революциями и провоцируется утопическими дискурсами, принадлежащими социальным силам, которые хотели бы расширить свои потенциальные права и возможности, получив контроль над собственной судьбой. Легитимация социально-политического и экономического порядка в общественной мысли осуществляется в виде целенаправленного преобладания различных оправданий *статус-кво*, таких как позитивизм, рациональный выбор, модели *естественного равновесия* (Л. Вальрас), *спонтанного порядка* (Ф. Хайек), *самонастройки* общественных систем и рынков и т.д. Все эти метафорические мейнстримные модели на самом деле производны от уравнений термодинамики и обосновывают пользу невмешательства широких масс в управление социальными процессами. Подобная исследовательская позиция позволяет если не обходить, то в какой-то степени вуалировать *неудобные* марксистские и конструктивистские вопросы об основаниях и институтах *естественного* порядка, о том, почему он концентрирует внимание лишь на *разрешенных* в публичном дискурсе проблемах индивидуальной и коллективной *адаптации* к этому социально-экономическому порядку вместо его критики и обсуждения возможных *альтернатив*.

Соответственно, в центре современной публичной политики всегда находится идеологическая борьба за легитимацию/делегитимацию ключевых метафор и понятий, которые определенным образом интерпретируют сложившиеся коллективные практики, именуемые рынком, демократией, капитализмом,

социализмом, трудом, планированием, освобождением и т.д. Понятия, признанные нормативными, и их смысловые производные (“рынок заложен в природе человека”, “конкуренция есть выражение свободы”, “демократия — лучшая из форм правления”, “труд есть долг перед богом и путь к спасению” и т.д.) позволяют добиться широкой поддержки и легитимации властно-политических решений и институтов, положенных в основу социального порядка.

Описательно-аналитический словарь общественных наук является предметом *постоянно меняющегося консенсуса, следующего за меняющимся консенсусом жизненных целей и интересов социальных групп, составляющих общество*. Условия методологического консенсуса не в последнюю очередь определяются механизмами классово-идеологической и глобальной гегемонии, т.е. стремлением основных социальных субъектов устанавливать свое представление о социальном порядке в качестве всеобщего для сложносоставного и внутренне противоречивого *большого общества*. Гегемонистские картины мира становятся убедительней, когда их разбивают на локальные дисциплинарные модели наук об обществе (политология, социология, право, экономика, история и т.д.), настаивая на их автономии от власти. Интеллектуальный пазл *мейнстрима* сознательно запутывается: “доминирующей идеологией западных стран является англо-американский эмпирический реализм, для которого любые формы диалектического мышления представляют угрозу и чья задача, по существу, состоит в том, чтобы служить средством контроля над общественным сознанием... Метод подобного мышления, в его различных формах и видах, предполагает разделение реальности на герметичные части, тщательное обособление политического от экономического, правового от политического, социологического от исторического, так, чтобы весь комплекс связей любой конкретной проблемы всегда оставался невидимым; а также ограничение отдельными, непосредственно поддающимися проверке утверждениями в целях воспрепятствовать любым формам спекулятивного и тотализирующего мышления, которое могло бы открыть перспективу на социальную жизнь как целое” [Jameson 1971: 367-368; цит. по: Вахрушева 2016: 30-31]. Однако повседневные коллективные практики не подтверждают существования в реальной жизни жестких дисциплинарных границ, столь важных внутри общественных наук и стоящих за ними исследовательских групп.

В настоящее время центральные понятия общественных наук опираются на аксиологию и онтологию *либерального консенсуса*, согласно которой социальные, политические и экономические реалии современных/модерных обществ наиболее релевантно (с точки зрения науки) и эффективно (для обеспечения общественного блага) отражают такие категории, как капитализм (саморегулируемый рынок), демократия и либерализм [Валлерстайн 2003: 216-233]. Соответствующие им институты и коллективные практики стали центральными для воспроизводства современного общества в ходе цикла буржуазных революций. Поскольку либерализм из восходящей утопии стал, как на уровне самопрезентации, так и в виде их институциональной организации, осуществившейся повседневностью для современных обществ, то все фундаментальные идеологические разногласия внутри больших современных обществ являются следствием эволюции и идеологической дифференциации классического либерализма как *утопии третьего сословия*. Следует особо подчеркнуть, что эволюция либерального консенсуса далеко не всегда является следствием

онтологических изменений общества. Факторы социальных перемен связаны с сознательным переконструированием коллективными субъектами как *когнитивных карт* (Ф. Джеймисон) социальной реальности, так и самих принципов их составления, меняющими представления об обществе, истории, человеке, способах и целях его исторического существования. Нарративы обществоведческого мейнстрима на структурном уровне остаются аналогичны скорее мифам, сказкам и басням, рисуящим воображаемые миры, чем естественнонаучным моделям общества, выстроенным на основе фактов. Они “служат не столько инструментом приращения знания, сколько способствуют интеллектуальному доминированию и неявно предполагают определенную социальную иерархию. Стоящие за моделями мейнстрима дискурсивные практики имеют устойчиво воспроизводящийся перформативный элемент, смысл которого в закреплении в социокультурном пространстве определенного ‘рассказа’ и содержащихся в нем представлений” [Кошовец, Ореховский 2018: 153].

Основной угрозой либеральному консенсусу в глобальном измерении являются постоянные попытки наиболее влиятельных субъектов (ТНК, элиты, классы, нации, цивилизации) монополизировать интерпретацию либерального консенсуса в собственных интересах, т.е. зафиксировать выгодный *конец истории* и собственную интерпретацию либерализма как универсальную и всеобщую. Это выражается в попытках выстроить глобальные иерархии, в которых одни общества и/или социальные группы провозглашаются либеральными (рыночными, демократическими), а другим обществам, классам, группам в указанных качествах отказывается. Тем самым, одни субъекты присваивают право говорить от имени либерализма/рынка/демократии и обобщающей их Современности/Модерна, а другие – искусственно выводятся за рамки либерального консенсуса. Указанный интеллектуальный фокус реализуется посредством обществоведческих классификаций, опирающихся на бинарный принцип, когда все многообразие возможных классификаций сводится к одной оппозиции: *норма/отклонение*, которая в научной модальности изоморфна дихотомии *истина/заблуждение*. В результате человечество, исторически полностью вовлеченное в капитализм и легитимирующие его нарративы либерализма, рынка и демократии, попадает в парадоксальную ситуацию, когда с точки зрения западной гегемонии подавляющее большинство человечества *в теории* оказывается вне Современности/Модерна. Паллиативный выход из указанного парадокса предлагается западным мейнстримом в виде *дифференцирующих прилагательных* к ключевым политическим и экономическим понятиям [Collier, Levitsky 1997]. Дифференциация *отклоняющихся* видов либерализма, демократии и рынка становится механизмом гегемонии и легитимации глобальной западной иерархии современных обществ. Указанные методологические принципы имеют вполне объективные онтологические и исторические обоснования: “политические и экономические теории не стоит воспринимать как объективную данность, заданную всем ходом развития современной цивилизации, а то и самой природой человека. Либеральная политология и неоклассическая экономика не оформились бы в господствующую парадигму обществензнания без геополитического успеха британской и затем американской гегемонии XIX-XX веков” [Дерлугьян 2009: 20].

Между тем *Запад* как ценностное ядро иерархии политических наук постепенно ослабевает, подвергаясь критике со стороны усиливающихся незападных

центров экономической и политической силы, продвигающих свои версии глобальной истории и модели *должного* политического и экономического устройства общества. Общественно-научный мейнстрим обнаруживает все больше *слепых пятен, противоречий и исключений*, которые он не способен объяснить. Исходная проблема культурно-исторической ограниченности западного мейнстрима состоит в том, что “институционализация истории и трех номотетических дисциплин — экономики, социологии и политической науки — в последней трети XIX и первой половине XX вв. приняла форму университетских дисциплин, в рамках которых западный мир изучал себя, объяснял собственное функционирование и лучше контролировал происходящее... 95% научных кругов находились всего в пяти странах — Великобритании, Франции, Соединенных Штатах, Германии и Италии — и занимались в первую очередь вопросами, связанными с этими странами” [Валлерстайн 2016: 309]. Для остального мира Западом были придуманы *ориенталистика*, занимавшаяся относительно самостоятельными незападными цивилизациями, и *антропология*, чьим предметом стали колонии и зависимые от западных метрополий территории. Важными целями обеих дисциплин стало оправдание экспансии и культурного возвышения Запада через утверждения о его моральном и техническом превосходстве, так что доступ к его благам может быть получен остальным миром только *с его помощью и под его управлением* [там же: 310].

Таким образом, первоначально в схеме норма/отклонения, которая географически выражалась в виде Запад (*West*) / все остальное (*Rest*), функции политологии, социологии и права были связаны лишь с изучением внутренних закономерностей *исторических* западных обществ. Все остальные общества объявлялись неразвивающимися, примитивными и неисторичными, достойными внимания лишь специальных дисциплин — *ориенталистики* и *антропологии*, — чьим предметом является изучение не нормы (Запад), но отклонений от нее (Незапад). Первый ощутимый удар по западному мейнстриму нанесла реализация *советского проекта*, становление *социалистического блока* и поддержанное им *национально-освободительное движение колоний Запада*. Неожиданный взлет советского проекта не только ускорил падение глобальной гегемонии Запада, но и предложил перспективу универсальных моральных оснований для иного национального и глобального политического порядка. Падение СССР в качестве глобальной альтернативы создало кратковременную иллюзию того, что западный мейнстрим все-таки достиг глобальной победы и финальных политических истин *конца истории*. Однако необратимое ослабление Запада и его идеологической картины мира продолжилось. Растущие незападные центры силы не только стали уверенно отвергать свою неполноценность (историческую, культурную, этническую, технологическую и т.д.), которую пытались им приписать пропитанные культуртрегерством ориенталистика и антропология, но и ставить под сомнение саму релевантность западного мейнстрима общественных наук, который как мутное и кривое зеркало способен выдавать в своих схоластических интеллектуальных построениях только отклоняющиеся отражения западных обществ. Г. Хейл в середине 2000-х годов заметил, что постсоветские и шире — постсоциалистические — общественные порядки вовсе не являются транзитными/переходными, а демонстрируют долгосрочную институциональную устойчивость, для которой целесообразно начинать искать более релевантный язык описания,

чем транзитология [Hale 2005]. К аналогичным выводам пришли в своей резонансной статье А. Шлейфер и Д. Трейзман, описывая современную Россию как *нормальную страну* [Shleifer, Treisman 2005]. *Незападные исследовательские центры перестают удовлетворяться ролью поставщика исключительно локального эмпирического материала, подтверждающего идеологические картины мира, рисуемые мейнстримными теориями.* Растущие регионы мира все чаще отвергают роль *туземцев*, которые не способны сформулировать альтернативные Западу *большие теории*, объясняющие закономерности глобального мира.

В более радикальном виде возникает вопрос уже не о задачах ценностно-идеологической легитимации коллективных интересов Запада, но о самой способности западного мейнстрима к адекватному изучению незападных обществ и универсальности выработанного им лексикона понятий, который оказывается способен по большей части лишь на довольно сомнительные морализации по поводу несовершенства и неполноценности Незапада в виде *зависимости от предшествующего развития, тяжелого наследия, расово-этнической особенности, институциональных ловушек, порочных кругов, недостойного правления, вариаций нелиберальной демократии и неправильного рынка.*

Очевидно, что закономерным ответом глобального Незапада на угасание экономической, политической и военной гегемонии Запада стал отказ от иерархии и словаря понятий западного мейнстрима, который работает с остальным миром лишь в неизменной логике фиксации его *отклонений от Запада*. Соответственно, онтология внешнего мира не интересует западный мейнстрим, важна лишь сравнительная перспектива оценок успешности институционального копирования или мимикрирования незападных обществ под Запад как *безальтернативную (и недостижимую) цель* их развития. Потому что признание незападных обществ равновеликими Западу, историческими, автономными и способными порождать не менее универсальные ценности и институты автоматически разрушает привычный набор методологических бинарных пар: инклюзивные / эксклюзивные институты (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), естественные государства / общества открытого доступа (Д. Норт, Б. Вайнгаст, Д. Уоллис), открытые / закрытые общества (К. Поппер), архаика/современность, феодализм/капитализм, командная экономика / рынок, тоталитаризм/демократия, и т.д., легитимирующих в мейнстриме ключевую разбивку – *норма/патология* или *Запад/Незапад*.

Соответственно, критика ограниченности методологических оснований идеологических разбивок на привилегированное/ущербное, сакральное/профанное, преподносимых как неизменные, лишает западный мейнстрим нормативного контроля либерального консенсуса из воображаемой области всеобщего и универсального, переводя исследовательский дискурс познающих субъектов Запада в инструментальную сферу особенных и частных интересов. Нарастает убедительность критики дискурса о благах, которые приобретет незападный мир, осваивая механику западной модели глобализации и свободного рынка. Эта модель все чаще проявляется в виде обычной гегемонии, обернутой в риторические одежды прогрессизма и *естественного лидерства свободного мира*. Идея прогресса убедительна только тогда, когда подкрепляется растущими возможностями для *большинства*, – в противном случае она превращается в риторику, с помощью которой элиты пытаются оторочить недовольство масс настоящим в будущее.

Объяснительный потенциал и легитимирующая способность системных понятий мейнстрима — и как *номотетической науки*, и как инструмента *мягкой силы* — закономерно ослабевают. Мейнстрим *нормы с прилагательными* все чаще уступает место радикальному поиску альтернативных понятий. Последние первоначально начинают использоваться как более релевантные для описания *отклоняющихся* периферийных обществ, которые становятся совершенно невозможно описывать лишь с точки зрения того, *какими они должны стать*. Но после активного вовлечения в научный оборот альтернативных метафор и понятий оказывается, что они зачастую не менее универсальны и могут быть использованы для убедительного анализа актуальной политической и экономической онтологии самих западных обществ. И тогда выясняется, что *мейнстримные дифференциации рыночных обменов, демократии и либерализма имеют преимущественно идеологический характер. Современные общества не демонстрируют качественных различий, если анализировать их функциональное ценностно-институциональное ядро, которое было и остается системой нераздельной властесобственности, в то время как вариации рыночных обменов и представительной демократии составляют поверхностные и адаптивные коммуникативные оболочки, призванные поддерживать социальный порядок и вырабатывать общественное согласие в конкретных политиях.* Соответственно, западные общества и весь остальной мир обнаруживают гораздо больше базовых сходств, чем второстепенных отличий, особенно в контексте всеобщих вызовов и угроз, связанных с трансформацией социальной структуры *общества труда*, новыми технологиями, кризисом социального государства, пределами роста и т.д.

Нарастающие дисфункции и несовершенства демонстрируют метафоры не только рынка, но и другого столпа мейнстрима — демократии. В современном мире сложился устойчивый консенсус относительно ценности демократии. Оптимистичным аргументом в пользу демократии является утверждение о ее естественной гармонии с многосоставным *модерным обществом*, которое постоянно находится в *естественном состоянии* низкоинтенсивной внутренней конфликтности. Соответственно считалось, что принципы демократии позволяют производить назревшие изменения, согласовывать интересы, разрешать конфликты и вырабатывать компромиссы, не доводя до распада большого общества и кризиса государства. Однако реальная проблема демократии — в другом. *Представление о ее безусловной, конечной ценности входит во все большее противоречие с реальным функционированием демократии как инструмента (совокупности институтов и практик) политического правления, который политические элиты могут использовать вопреки и даже против большинства в осуществлении своих партикулярных целей. Подобная инструментализация и манипуляция приводит к общей девальвации ценности демократии.* Значимые социальные группы во всем мире, включая Запад, все чаще находят подтверждения тому, что управляемая элитарная демократия не помогает реальной артикуляции и продвижению их жизненных интересов. В результате усиливаются феномены популизма и прямого гражданского действия как попытки вернуться к *демократии большинства*, от которой даже в западных демократиях все чаще сохраняется лишь ритуальная составляющая. Концепция либеральной демократии все чаще оценивается как ограниченный легитимирующий язык, стремящейся обосновать монопольное право на интерпретацию демократии и либерализма через *норму с отклонениями* и выстраивание символических иерархий на основании *субъек-*

тивной оценки некими экспертами качества реализации указанных принципов в конкретных обществах.

Мейнстримный дискурс об *отсталых, неправильных, переходных, имитационных и недостойных* обществах обретает явные черты неубедительного морализаторства и неуместной дидактики. Все современные общества оказываются достаточно ущербными и в сравнительной перспективе, и с точки зрения идеального политического архетипа, стремительно перемещающегося в последние годы из западных обществ в пространство “всеобщей венаходимости” (утопии) в результате стремительной эволюции из состояния реализованной в либеральных демократиях *нормы конца истории* в недостижимый для них же *идеал* политического устройства. Низвержению этой идеализации либеральной демократии способствуют эмпирически наблюдаемые в западных обществах тенденции роста неравенства, свертывания социального государства и стремительного превращения представительной демократии в ограниченную конкуренцию элит.

Соответственно описания стремительно поднимающихся незападных периферийных обществ в категориях *отсталости* теряют былую магическую силу, как и все аксиоматические понятия либеральной версии Современности (Модерна), из которых исходят эти описания. Например, В. Гельман описывает разные виды неэффективности государственного управления и моральной деградации политических элит в современной России с точки зрения неких универсальных идеалов либеральной демократии, которые реализованы где-то за пределами России [Гельман 2019].

Но, во-первых, как показывают актуальные тенденции, эти идеалы нигде в мире в полной мере на практике не воплощены, за исключением гегемонистской риторики мейнстрима, строящейся на преимущественно оценочных суждениях. Если в западных обществах отдельные институциональные и процедурные признаки либеральной Современности (Модерна) проявляются немного более наглядно, то это само по себе не создает *качественного* морального и институционального различия между *обществами открытого доступа* и большинством *естественных государств*, включая Россию.

А во-вторых, риторику *недостойного правления* можно с легкостью обратить против *любого* западного общества, чья актуальная повседневность также весьма условно соответствует либерально-демократическим идеалам. Например, в США в последние десятилетия резко растет неравенство граждан по уровню доходов (текущий коэффициент Джини там 41,1 (2016), что даже выше, чем в России с ее индексом Джини 37,5 (2018)¹), а покупательная способность медианной оплаты труда стагнирует с середины 1970-х годов². В США процветает nepoтизм: судейские, депутатские, губернаторские и даже президентские должности зачастую “передаются по наследству” (при соблюдении формальных выборных процедур) внутри семейно-родственных кланов, контролирующая крупную властесобственность [Миллс 2007]. Государственный долг США достиг астрономических величин (26,3 трлн долл. в июне 2020 г., что в два раза больше, чем в 2010 г.); осуществляются односторонние военные агрессии (Вьетнам, Панама, Югославия, Ирак, Ливия и т.д.); значимы всесторонние

¹ *The World Factbook*. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/gini-index-coefficient-distribution-of-family-income/country-comparison> (accessed 22.05.2021).

² *Employed Full Time: Median Usual Weekly Real Earnings: Wage and Salary Workers: 16 Years and Over*. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/LES1252881600Q> (accessed 22.05.2021).

последствия так и не преодоленной расовой сегрегации (стоимость активов домохозяйств афроамериканцев в среднем в 10 раз ниже, чем у белых)³; фиксируется мировое лидерство по числу заключенных в расчете на душу населения⁴ и т.д., и т.п. Стоит отметить, что в западных обществах сама по себе риторика *недостойного правления* до недавнего времени являлась одним из ключевых элементов обеспечения публичной ротации элит. Однако в последние годы она все чаще становится фактором дестабилизации, когда обнаруживается, что смена политиков под аккомпанемент этой риторики в ходе выборов *политических спектаклей* не меняет существенным образом состав властных элит, а тем более не затрагивает долгосрочных интересов ведущих экономических кланов и корпораций. Одно *недостойное правление* сменяется на другое, не предлагая реальных политических альтернатив устоявшемуся режиму власти с гегемонией крупных собственников, маскируемому под представительную демократию.

В этих условиях риторика *недостойного правления* и вытекающий из него дискурс *гражданского ремонта* и *цветных революций* начинают выглядеть как пятое колесо в телеге. Они все чаще становятся неадекватны теоретически и дисфункциональны практически в объяснении наблюдаемых конфликтов и закономерностей. Даже если допустить, что мейнстримные теории окончательно не теряют теоретической значимости, то они, как минимум, становятся пригодными к критическому анализу в равной мере как незападных, так и западных *демократических* политических режимов. И те, и другие превращаются в разновидности *дефектных демократий*, которые можно бесконечно *ремонтировать*, но все более негодными и деструктивными средствами [Фишман 2019]. Поэтому российское *недостойное правление* (при всей справедливости фиксации фактических *дефектов и отклонений*) предстает выборочной и конъюнктурной концепцией, взятой в отрыве от сравнительного мирового контекста. Последний же демонстрирует не *превосходящие достоинства*, но наличие все тех же структурных конфликтов и иерархий, что и российский политический порядок, снижение остроты которых несколько лучше (но не везде и не всегда) обеспечено институционально, процедурно и ресурсно.

Потеря привычных преимуществ в технологиях и экономическом росте, утрата контроля над глобальными рынками и союзниками, нарастающие дисфункции обращения доллара и евро, — все это есть следствие давления на Запад тех же фоновых глобальных вызовов и угроз (технологических, экономических, экологических, демографических, военных), которое испытывают и остальные сообщества современного мира. И на Западе эти вызовы и угрозы ведут сегодня к росту внутренней конфликтности, делают невозможным сохранение его прежних, привычных внеэкономических преимуществ, включая преимущества в области иерархии представлений о *должном* глобальном политико-экономическом порядке, олицетворением которого он пытается выглядеть. Мейнстрим теряет убедительность, которая была основана на *символе веры* в универсальный рынок, либерализм и демократию, воплощенные в самой онтологии западных обществ⁵.

³ Симбирский М. 2020. *О расовой дискриминации в Америке*. URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/1231571.html> (accessed 22.05.2021).

⁴ *The World Prison Brief*. URL: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (accessed 22.05.2021).

⁵ Более подробный критический анализ экономического мейнстрима осуществлен автором в цикле ранее опубликованных работ (см., например, [Мартьянов 2017а; 2017б]).

АЛЬТЕРНАТИВЫ МЕЙНСТРИМУ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НОРМАЛЬНОСТИ: ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ?

Распад неолиберального мейнстрима, который комплиментарно описывает глобальную иерархию западной гегемонии, не обнаруживает тотального альтернативного языка описания. Хотя бы потому, что новые глобальные гегемоны еще не заявили о себе в полную силу, а Запад не настолько ослаб, чтобы резко потерять свое экономическое, военное и интеллектуальное влияние. Преодоление метанарратива либеральной Современности (Модерна) начинается с переоценки его достижений относительно предшествующего ему *Ancien Régime*. Неожиданно оказывается, что последний вовсе не был вытеснен полностью, но эффективно воспроизводится в ценностно-институциональном ядре Современности (Модерна).

Кризис западного мейнстрима проявляется в первую очередь в том, что все большую популярность приобретают архаизирующие метафоры описания современных обществ. Ренессанс метафор феодализма объясним тем, что угасание сакрального ценностного ядра Современности (Модерна) влечет естественную реакцию поиска нового трансцендентного измерения там, где оно уже когда-то существовало. Разрушение сложившегося консенсуса относительно понятийных иерархий Современности (Модерна) ведет к росту популярности альтернативных аналитических моделей описания общества. Первоначально эти модели обнаруживают растущую релевантность по отношению к мейнстриму при описании *периферийных, отсталых и дефективных* обществ. Наблюдаемый в них зазор между должным и сущим поначалу описывается в виде модели *архаизации*, под которой понимаются практически любые отклонения в морали, идеологии и институциональной структуре актуальных обществ от рыночно-либерально-демократической Современности (Модерна) [Рябов 2008]. Однако введение в активный научный оборот альтернативных Современности (Модерну) моделей довольно быстро и неожиданно обнаружило, что эти метафоры отлично работают и в западных обществах, которые считались свободными от указанной архаичной онтологии. Например, В. Шляпентох одним из первых убедительно описал российское общество 1990-х годов в категориях и аналогиях европейского феодализма. Эта метафора позволила релевантнее и глубже проанализировать закономерности общественных процессов и объяснять институциональные механизмы принятия политических решений в условиях временного ослабления центральной федеральной власти [Шляпентох 2008]. Неофеодальные интерпретации оказались эффективней оперирования монокаузальными внешними объяснениями западного мейнстрима, сводившими все проблемы постсоветского общества лишь к *исполнительным* дефектам рынка, демократии и *плохой исторической колее*. Впрочем, дальнейшие исследования закономерно привели к пониманию того, что неофеодализм является более универсальной метафорой. Позже это с успехом проявилось при анализе реалий современного американского общества, несмотря на его традиционную уже мейнстримную интерпретацию как *идеального буржуазного общества*, свободного от наследия Средневековья [Shlapentokh, Woods 2011].

В результате в ходе сравнительных исследований под распадающейся социальной тканью Современности (Модерна) все чаще обнаруживается доброе старое Средневековье, которые окончательно никуда не уходило, повсеместно воспроизводя эффект колеи (*path dependence*) и до определенного времени нахо-

дьясь *в тени* привилегированных метафор, легитимаций и ресурсных обменов, связанных с рынком [Kotkin 2020]. Аналогична ситуация и с концепцией *властесобственности* [Плискевич 2006; Пивоваров, Фурсов 2001], которая из способа объяснения институциональных отличий периферийных и отсталых обществ стремительно превращается в убедительное объяснение закономерностей политической регуляции институционального ядра *всех* современных обществ. В частности, Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов в начале XXI в. утверждали, что “Русская Власть как моносубъект не нуждается в социальных классах, ей нужны турбулентные группы и рыхлые структуры... феномен Власти делает собственность функциональной, эпифеноменом, а именно по поводу собственности возникают классы” [Пивоваров, Фурсов 2001: 39]. Однако именно такая структурная ситуация классового распада наблюдается в мире в настоящее время, если заменить “Русскую Власть” на “Запад” или “глобальный порядок”. Причем не в виде культурно-исторического *исключения* или отдельного исследовательского кейса, но как всеобщая закономерность современных обществ, в которых рушится привычная социальная стратификация на экономические макроклассы и возникает множество “турбулентных групп и рыхлых структур” (креативный класс, прекариат, персоналиат, новые статусные сословия и рентные группы, поколения X, Z и т.д.), а также *восставших меньшинств* наподобие *ВЛМ*. И политические (властные) критерии доступа новых социальных групп и меньшинств к общественным ресурсам все чаще оказываются важнее, чем располагаемая ими собственность и вытекающий из нее экономический (имущественный) статус.

Таким образом, разница между современными обществами в контексте воспроизводства властесобственности состоит лишь в риторике и второстепенных особенностях, в том, что в одних обществах чаще власть доминирует над механизмами контроля собственности, а в других контроль крупной собственности, как правило, выступает условием доступа к власти. Причем нигде не возникает *реальной автономии* одного от другого. В подобной же методологической логике выдержаны работы С. Кордонского о России как сословном обществе, согласно которым советское и постсоветское общество лишь мимикрировали под Современность (Модерн) на уровне своей институциональной *защитной оболочки*. В то же время реальные практики ресурсного и административно-территориального воспроизводства общества посредством государства, факторы его сословной стратификации и взаимодействия коллективных субъектов, а также механизмы принятия политических решений оставались относительно неизменными со времен Петра I, создавшего долгосрочную политическую модель централизованного российского государства [Кордонский 2008].

В последнее время метафору нефеодализма активно подхватили даже левые, плодотворно использующие ее для объяснения перспектив посткапитализма в условиях роста глобального неравенства, когда элиты все активнее перераспределяют ресурсы в свою пользу, освобождаясь от привычных национальных механизмов эгалитарной, выравнивающей регуляции, связанных с прогрессивным налогообложением доходов и наследства [Дин 2019]. Вариации на тему нефеодализма выражаются в дополняющей ее концепции *неопатримониализма*. В ее рамках внимание акцентируется на способах воспроизводства политического порядка и взаимодействия элит, а также механизмах принятия и выполнения политических решений, связанных с последовательным *закрытием* ключевых социальных групп, затрудняющим ме-

ханизмы мобильности и ротации, которые обеспечивались в СССР сквозными комсомольскими, партийными, силовыми и производственно-отраслевыми вертикалями. Частотный анализ употребления ключевых лексем показывает, например, что в российских политологических журналах “общая тенденция растущей популярности архаизирующих описаний российского общества и политики сохраняется, совпадая с общеязыковыми трендами, которые фиксируются через частотность соответствующей лексики в Национальном корпусе русского языка. Однако если в общеязыковом узусе преобладает медиэвализистская терминология, что и фиксирует Национальный корпус, то политические исследования все более последовательно ориентируются на категориальный тезаурус неопатримониалистской модели” [Старцев 2019: 147].

Следует отметить, что концепции феодализма и патримониализма были выработаны уже после того, как стало считаться, что соответствующие типы социальных отношений преодолены либерально-капиталистической Современностью (Модерном). Эти концепции представляют собою апостериорные аналитические описания *Ancien Régime* с точки зрения вытеснившей его Современности (Модерна), которые имеют к тысячелетнему и многообразному историческому периоду европейского Средневековья достаточно поверхностное и условное отношение. Концепция феодализма удобна тем, что позволяет интерпретировать *Ancien Régime* как преодоленную историческую архаику в общей логике модели *нормы с отклонениями*, от противного легитимируя социальные, экономические и политические институты и практики Модерна. Эти искусственно сконструированные концепции не являются ни полноценной заменой неолиберальному мейнстриму, ни прорывом к *истинной* социальной онтологии, которую последний до недавнего времени успешно маскировал. Подъем метафор досовременной архаики обозначает переходное состояние системы идеологических координат. На место неолиберального мейнстрима, являющего все больше классификационных лагун, белых пятен и эмпирически подтверждаемых исключений, в первую очередь претендуют его поверженные исторические оппоненты, которых он, по сути, в свое время концептуально сконструировал как свою проклятую сторону. Соответственно в долгосрочной перспективе в схеме *нормы с отклонениями* последние могут заменить такую норму лишь временно и паллиативно, являясь ее неотъемлемой частью. Полноценная альтернатива мейнстриму вытеснит и *норму*, и усиливающиеся по отношению к ней *отклонения*.

Указанные трансформации понятийного аппарата общественных наук с запозданием фиксируют преобладающие тенденции, меняющие глобальную социально-политическую и экономическую онтологию современных обществ. Простые бинарные оппозиции капитализм/социализм, демократия/тоталитаризм, рынок/плановое хозяйство утратили убедительность и онтологическую референцию сразу же после конца биполярности и распада социалистического антагониста *свободного мира*. Глобальный мир превращается в дифференцированное пространство демократий, либерализмов и рынков с прилагательными. Это само по себе лишает мейнстрим сильных аргументов против своих оппонентов, представляющих в его собственной познавательной и идеологической перспективе уже не принципиально *другое общество*, но лишь его собственные вариации, хоть и менее совершенные, так как *нелиберальная, авторитарная, заблокированная, фасадная, элитарная, ограниченная, электоральная, частичная, олигархическая*

демократия — это тоже демократия. Поэтому воспроизводство бинарных оппозиций мейнстрима дрейфует из сферы науки в область социальной мифологии и символической политики, уже не образуя широкого консенсуса. Глобальное будущее все чаще предстает как многообразие возможных политических режимов, где демократия является всего лишь *одной из*, а не *единственно возможной* формой осуществления власти в логике *конца истории*. Функциональное ядро современных социальных порядков обнаруживает гораздо больше общего в своем функционировании, чем может показаться из обманчиво самоочевидных аксиом, изначально распределяющих современных общества по разные стороны жесткой моральной классификации: свобода/рабство, демократия/тоталитаризм, рынок/государство, труд/капитал, включающие/исключающие институты, выборы/назначения, открытый/закрытый доступ и т.д.

При более близком знакомстве оказывается, что все перечисленное есть в каждом современном обществе, только в различных пропорциях, не создающих их принципиальных различий для построения мейнстримных дифференциаций и иерархий. Более того, эти пропорции меняются в ходе истории, определяются практиками социальных коммуникаций, имеют значимую региональную специфику, зависят от места, сферы, уровня и цели социального взаимодействия и количества вовлеченных в него субъектов. Непонятны даже базовые эмпирические основания для определения современных обществ как *рыночных*, поскольку долгосрочной тенденцией последних 100-150 лет является неуклонный рост доли государственного сектора в ВВП, который увеличился в среднем с 10% ВВП в начале XX в. до 40-60% ВВП в большинстве национальных экономик начала XXI в. В современном Китае, совершившем невероятный экономический подъем, 63% ВВП генерирует госсектор⁶. И. Валлерстайн, обобщая ключевые выводы четырехтомной “Мир-системы Модерна”, отмечает, что ни одна из идеологий, составляющих либеральный консенсус (либерализм, консерватизм, социализм), не являлась “на практике антиэтатистской, хотя все они притворялись именно таковыми... центристский либерализм ‘укрощал’ две остальные идеологии, трансформируя их в собственные фактические воплощения” [Валлерстайн 2016: 325]. Таким образом, ключевые современные идеологии были, прежде всего, инструментом *сборки*, легитимации и адаптации к централизованному национальному государству, которого еще 200 лет назад в привычном для нас виде не существовало.

Поэтому более точно современные *рыночные экономики* следовало бы определить как *экономики с преобладающим централизованным планированием и вариативной долей частного сектора*. О чем бы ни шла речь в публичном дискурсе, она всегда идет о борьбе граждан и различных социальных групп, составляющих политическое общество, за правила и объемы доступа к ресурсам. А ценности демократии, рынка, свободы, права на операциональном уровне одновременно являются процедурами, механизмами и факторами распределения ресурсов. И если в одном обществе превалируют государственные, а в другом рыночные механизмы обеспечения доступа граждан к жизненно важным ресурсам, то это не определяет политического характера общества исчерпывающим образом. Поскольку везде подобные инструменты распределения сосуществуют параллельно и не исключая друг друга. Речь идет лишь

⁶ Запольскис А. Десять лет, которые изменили Китай. — *Regnum*. 28.03.2019. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2600906.html> (accessed 22.05.2021).

об их соотношении, о пропорциях, сложившихся в конкретном обществе на данном этапе его существования.

Аналогична ситуация и с соотношением назначенных и избранных элит, гражданских свобод и обязанностей, индивидуальных и коллективных приоритетов, с динамикой взаимодействия большинства и меньшинств. Безусловно, в условиях исторического подъема рынка и представительной демократии регулятивные элементы феодализма и патримониализма отступают, особенно в публичной повестке. Однако расширяющийся доступ большинства к плодам рыночного экономического подъема вовсе не означает, что дистрибутивные и реципрокные обмены, а также патрон-клиентские и семейно-родственные связи исчезают за ненадобностью. Напротив, они могут быть весьма сильны в рамках внутриэлитных взаимодействий, равно как и в коммуникациях между представителями различных уровней социальной иерархии. Прежде всего, в тех многочисленных ситуациях, когда эти взаимоотношения осуществляются за рамками публичности, и когда они имитируют уступки требованиям технологической или управленческой (бюрократической) рациональности как будто бы находящейся вне исторического и социального контекста. Рынок, конкуренция и демократия существуют преимущественно во внешней среде семей/фирм/партий/институтов, но не внутри них. Там царит совсем другое — план, расчет, иерархия, дисциплина, патрон-клиентские интеракции и профессиональная компетенция бюрократии; все то, что мейнстрим пытается превратить в негативную политологическую характеристику для *отсталых* обществ, *недостойного* правления, *плохих* элит и *архаичных* политических институтов. И в этом заключено неразрешимое противоречие демократического, конкурентного, рыночного общества.

Серьезной методологической проблемой является невозможность перехода дискурса западного мейнстрима от представлений о гармонии политического порядка, вмененных *извне незападным* обществам, определяющих, *какими они должны быть*, — к *реальной* политико-экономической онтологии множества обществ, развивающихся в соответствии со своими собственными контекстами (культурными, историческими, географическими, экономическими), закономерностями и целеполаганием. *Прокрустово ложе* Запада в виде *нормы с отклонениями* все чаще перестает быть значимой целью (моральной, идеологической и институциональной), а внутренняя логика развития незападных обществ со всеми сопутствующими конфликтами и противоречиями приобретает самоценность *альтернативной нормы* вместо *отклонения*. В логике мейнстрима результаты исследований сводятся преимущественно к оценочной фиксации онтологических отклонений Незапада от *универсальных западных норм* как *травмы, патологии* и *несовершенства*. В подобной идеологической перспективе мейнстрим способен лишь на беспомощные lamentации: “что касается России, то она все больше оказывается обездвиженной внутренними и искусственно созданными здесь же противоречиями, что не позволяет двигаться ни вперед, ни назад, ни по ту сторону модерных дихотомий. Не до конца разрушившаяся империя, все прочнее застревающая в периферийной зоне, погрязает в незавершенных моделях, незаконченных деколонизациях, прерванных покаяниях, не доведенной до конца демифологизации сознания и, следовательно, стремится собрать воедино зачастую взаимоисключающие элементы, такие как национальный фундаментализм, суррогат советской,

неоимперской, неолиберальной и других идеологий, анахронизмы, эпистемологические несоответствия, которые столь характерны для сегодняшнего разлаженного механизма культурных процессов. Это сложное наложение и борьба различных конкурирующих форм эпистемологических колониальностей приводят к стагнации”⁷. Между тем в сравнительном контексте очевидно, что такова историческая изнанка не только России, но и любого другого *большого общества*. Поэтому в перечисленных выше многослойных *противоречиях* и *несовершенствах* нет никакой *российской* специфики, они характерны и для американского, французского, испанского и любого иного современного общества.

В действительности все перечисленные *социокультурные разрывы и травмы* прекрасно сосуществуют с принципами либерализма, демократии и рынка в любом политическом порядке. Ввиду этого все попытки выстроить иерархическую классификацию современных политических порядков предстают бессмысленной редукцией, в рамках которой исключаящие друг друга члены бинарных оппозиций наделяются автономным существованием и размещаются в полярных обществах, условно, в раю и в аду. Впрочем, в динамической социальной среде современных обществ подобная задача не разрешима онтологически, а ее постановка преследует лишь идеологические цели. Соответственно паллиативный выход мейнстрима заключается в идеологическом, чрезвычайно избирательном и поверхностном взгляде на конкретные политические порядки, который с позиции реального познания этого общества является заведомо бессмысленным, хотя и способным морально легитимировать некие политические оценки, интересы и задачи с помощью конструкций *нормы с отклонениями*.

126

Наконец, моральной проблемой западного мейнстрима является негативное отношение к подавляющему большинству человечества. Монополия на обладание некой универсальной нормой превращается в санкцию на моральную нечувствительность ко всем наблюдаемым *отклонениям*. Но если большинство человечества не соответствует определенным представлениям о норме, то с точки зрения принципов демократии как власти большинства следует признать, что в глобальном измерении нормальным и естественным скорее является именно исключенное из нормы большинство обществ, которое мейнстрим готов рассматривать лишь в части их отклонений от реалий (зачастую тоже воображаемых) западных обществ. Дискурс *нормы с отклонениями*, в рамках которого большинство актуальных обществ предстают как *порочные с позиций либеральных ценностей*, структурно ничем не отличается от *миссии белого человека*, прекрасно сочетавшейся с рабством, геноцидом коренного населения и расовой политикой, цинично оправдываемых задачами *цивилизации отсталых варваров*. Моральные стандарты *нормальных обществ* свободно мутируют за их пределами в двойные стандарты, санкционирующие аморальные практики субъектов, наделивших себя функциями *прогрессоров* за пределами цивилизованного мира, где люди становятся расчеловеченной массой, рабочей силой, статистическими цифрами или чем-то неотличимым от природы, которую можно преобразовать любыми способами. Проблема в том, что объявленные нормой на разных этапах истории христианство,

⁷ Глостанова М. Существует ли постсоветская мысль? О колониальности знания, внешнем имперском и двойном колониальном различиях. — *Гегфер*. 23.09.2015. URL: <http://gefter.ru/archive/16006> (accessed 22.05.2021).

капитализм, прогресс, рынок, либеральная демократия никогда не становятся универсальными и всеобщими, а потому достижимыми для большинства. Наоборот, в итоге всегда оказывается, что норма была лишь *привилегией* или *исключением*, поэтому заведомо недостижима как идеал всеми *отклоняющимися* от нее. Более того, следование норме в изменившихся исторических условиях может со временем стать невыгодным или нежелательным даже для ее создателей и приверженцев.

К НОВОМУ МЕЙНСТРИМУ: ГЛОБАЛЬНОЕ РЕНТНОЕ ОБЩЕСТВО В РЫНОЧНОЙ ОБОЛОЧКЕ?

Основания и научная истинность неолиберального мейнстрима, равно как и его польза для общественного блага, подвергаются интенсивной критике. Обнаруживается все более отчетливая связь его оснований с интересами конкретных сообществ и социальных групп. Усиливается процесс ценностной деуниверсализации неолиберальной версии консенсуса, осуществляемой в пользу немногих корпораций, классов и обществ. Это, в свою очередь, ставит под вопрос эффективность (во многом идеализированную) всех тех институтов и инструментов, с помощью которых достигается ограниченное благо немногих, попадающих в разряд привилегированных. В инструментарии достижения этой “эффективности” обнаруживаются и акции *принуждения к миру* (односторонние агрессии), и институт свободного рынка (обеспечивающий рост неравенства в пользу олигархии), и контролируемые процедуры демократии, в ходе которых согласно шумпетерианской модели элитаризма конкурируют и воспроизводятся одни и те же системные элиты.

В итоге оказывается, что *мейнстримные классификации* были в лучшем случае основаны на *противопоставлении дистрибутивного ценностно-институционального ядра и периферийной рыночной оболочки современных обществ*, которые в них ошибочно выдавались за принципиально различные типы обществ, экономик, политик и культур. *Идеологическое отрицание собственного ценностно-институционального ядра, базирующегося на механизмах властесобственности, наследственном воспроизводстве элит и активном распределении общественных ресурсов с помощью государства (и иными нерыночными способами), является ключевым противоречием неолиберального мейнстрима*. В худшем случае легитимация мейнстримных иерархий осуществлялась путем рыночно-либерально-демократических описаний современных обществ с акцентом на периферийные и второстепенные различия, демонстрируемые разнообразными рейтингами и индексами⁸, либо сугубо техническими дифференцирующими процедурами⁹, либо констатациями субъективных иерархий идентичности¹⁰.

Однако общие тенденции всех современных обществ под влиянием глобальных факторов и вызовов обнаруживают несомненное сходство сущност-

⁸ Предоставляющими количественные и сопоставимые для разных обществ показатели свободы, демократии, конкуренции, инноваций, привлекательности и т.п.

⁹ Проводящими качественное различие по критериям числа конкурирующих партий и кандидатов на выборах, доли обновления депутатского корпуса, явки избирателей, наличия или отсутствия референдумов, продолжительности пребывания высших должностных лиц у власти, распространения механизмов прямой демократии и т.д., и т.п.

¹⁰ Базирующихся на распространенности суждений типа: “...Мы живем в свободном, справедливом, прогрессивном, рыночном и демократическом обществе, а они – нет”.

ных и долгосрочных трансформаций как *нормативных*, так и *отклоняющихся* обществ в эволюции принципов их стратификации, направлений изменения структуры экономики, роли государства, демографических трендов и т.д. Важнейшей проблемой глобальной стабильности становится сохранение либерального консенсуса, ориентированного на всеобщие и универсальные ценности. Рост значимых локальных политических субъектов, пользующихся правом *наделения ценностным содержанием* или *обесценивания* тех или иных целей, институтов, практик ставит под вопрос сохранение выработанных ранее форматов достижения/сохранения/изменения либерального консенсуса даже внутри самих западных обществ. Если ранее действенными способами признания и получения доступа к ресурсам для политических субъектов и социальных групп были публичные практики присоединения/вхождения в базовый либеральный консенсус, то в настоящее время эту функцию все эффективнее выполняют практики *исключения* из либерального консенсуса. Например, если с помощью ценностной валоризации политические субъекты могут обосновать свою *культурную исключительность*, то их место в иерархии доступа к ресурсам будет только возрастать. Это парадоксально антагонизирует с практиками раннемодерного общества, публичное пространство которого определялось *борьбой за равенство как универсализацию*, т.е. как признание равными тех, кто не включен в первоначальную версию либерального консенсуса, но готов на условии такого включения “пренебречь” своей традиционной идентичностью (бедные, женщины, меньшинства, другие расы, этносы, религии и т.д.).

Таким образом, ключевые вопросы о будущем связаны с вероятностью распада либерального консенсуса как ценностной основы современных обществ: сохранит ли он свою универсальность и обновит ли эгалитарные принципы и практики, либо будет делегитимирован и деконструирован нарастающим валом исключений и неравенств. В этом последнем случае, если либеральный консенсус перестает быть привычным ценностным фундаментом, на котором строится публичная коммуникация по поводу распределения общественных ресурсов, на каких же альтернативных принципах могут быть основаны и она, и в целом новый политический порядок? Очевидно, что соответствие этих идейных оснований критериям демократии, либерализма и рынка понизится. В подобном контексте неудивительно, что дискутируемые функциональные основания легитимности политического и экономического порядка все реже связаны с выработкой универсалий для большого современного общества и все чаще — с коллективностями более низкого уровня.

Это позволяет говорить о тенденции укрепления относительно закрытых сословно-феодалных социальных структур. В них базовые возможности, права и обязанности людей определяются не только наличием гражданства и политических прав, но и положением в иерархической социальной структуре, которая сама по себе закрепляет *справедливые неравенства* разных общностей (сословия, корпорации, ведомства, территориальные сообщества и т.д.) по отношению друг к другу внутри *большого общества*. Проблема в том, что ставка на уникальность и эссенциализм групповых ценностей эффективно работает только на противопоставлении и за счет распада универсальных ценностей либерального консенсуса: *стратегии исключения* и *легитимации от противоположного* предполагают наличие широко признаваемых ценностей, закономерностей и правил политического порядка *большого общества*. Коллективный Запад из

нормативного олицетворения либерально-демократического конца истории, к которому вскоре присоединится все остальное человечество, стремительно эволюционировал в *исключительность*, со временем ставшую *исключением* на фоне поднимающихся незападных центров притяжения, тех *естественных государств*, в которые включено подавляющее большинство человечества.

В революционной перспективе деуниверсализация либерального консенсуса, пределы глобального роста и падение влияния Запада могут изменить саму систему идеологических координат. В этом случае фальсифицируются многочисленные морально-идеологические дихотомии мейнстрима. Глобальный кризис рано или поздно закончится установлением высших ценностных оснований для нового политического порядка. Представляется, что после подобного перехода уже не пригодятся инструментальные и промежуточные ценности, актуализируемые в концепциях неофеодализма и неопатриониализма и выполнявшие функции критической рефлексии либерального консенсуса наряду с теориями постмодерна, посткапитализма, трансгуманизма и иными концепциями будущего, не формирующими тотализирующую альтернативу либерализму.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09)

IN SEARCH OF ANOTHER MAINSTREAM

V.S. Martianov¹

¹ *Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, Russia*

MARTIANOV, Victor Sergeevich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Director, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, email: martianov@instlaw.uran.ru

Martianov V.S. In Search of Another Mainstream. – Poliss. Political Studies. 2021. No. 4. P. 112-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>

Received: 07.12.2020. Accepted: 17.02.2021

Abstract. The “end of history” actually turned out to be the beginning of the end for the global hierarchy of the West, centered around societies which identified themselves as liberal market democracies. At present, one can observe a consistent weakening of Western economic, political, and military hegemony, accompanied by the rise of non-Western centers of power. The world is again moving towards conflict multipolarity, and this movement is determined by a number of background factors affecting all contemporary societies. This is the achievement of several factors: the limited capacity of global markets alongside the model of endless economic growth, the crisis of societies’ class stratification, the strengthening of inequality, and the crisis of social policy focused on the labor and military usefulness of citizens. These changes allow us to formulate two interrelated theses developed in the article. The first thesis is that the globally changing economic and political ontology, which can be described as the rental turn, no longer can be convincingly described from the mainstream perspective, one of the main tasks of which was to ideologically legitimize Western hegemony. The second thesis is that the concepts of contemporary societies – running alternative to the neoliberal mainstream – that do not reveal in them the qualitative political, economic, and cultural differences lying at the foundation of the intellectual and institutional hierarchies are becoming increasingly relevant. Alternative descriptions are built primarily on the reassessment of capitalism, democracy, and market exchanges as an indispensable core of modernity, framed in the form of the liberal consensus. Under the public ideological variations of the liberal consensus, hidden mechanisms can be found, revealing themes of power-ownership, rent-seeking behavior, oligopolies, inherited power, and economic policy, far from the principles of self-regulated market competition. The neoliberal mainstream continues to classify these trends as archaic, traumatic, and unworthy deviations that need to be brought back to normal. The paradox is that liberal democracy itself ceases to be the norm, turning into a specific ideal of the political system, less and less attainable even in Western societies, where this ideal was considered to be realized in practice. The article proves the fallacy of the negative moral

assessments of trends inconvenient to the mainstream. It is argued that fundamental changes, initially assessed within the narrow framework of liberal market modernity as archaic (neo-feudalism, neo-patrimonialism, rent-estate society), will only increase ontologically. They will lead to the formation of a new consensus among researchers about the value-institutional economic and political normality of 21st century societies against the background of reaching the natural limits of capitalism and leveling Western hegemony. The new normality appears as a rent-estate society in an adaptive market shell, differing only in its relative thickness.

Keywords: mainstream, liberal consensus, hegemony of the West, limits of growth, multipolar world, legitimization, rent society, neo-feudalism, neopatrimonialism, soft power.

References

- Collier D., Levitsky S. 1997. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. — *World Politics*. Vol. 49. No. 3. P. 430-451. <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0009>
- Hale H.E. 2005. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. — *World Politics*. Vol. 58. No. 1. P. 133-165. <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>
- Jameson F. 1971. *Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 432 p.
- Kotkin J. 2020. *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. New York, N.Y.: Encounter Books. 288 p.
- Shlapentokh V., Woods J. 2011. *Feudal America: Elements of the Middle Ages in Contemporary Society*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press. 184 p.
- Shleifer A., Treisman D. 2005. A Normal Country: Russia after Communism — *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 1. P. 151-174. <https://doi.org/10.1257/0895330053147949>
- Derlug'yan G. 2009. Stabilizatsionnaya politsistema v poiskakh dinamizma? [A Stabilizing Political System in Search of Dynamism?]. — *Pervyi ezhegodnyi Doklad Instituta obshchestvennogo proektirovaniya "Otsenka sostoyaniya i perspektiv politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii v 2008 godu — nachale 2009 goda* [The First Annual Report of the Institute of Public Design "Assessment of the State and Prospects of the Political System of the Russian Federation in 2008 — Early 2009]. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya. P. 13-32. (In Russ.) URL: http://www.inop.ru/files/Doklad_2009_mr.pdf (accessed: 22.05.2021).
- Dean J. 2019. Communism or Neo-Feudalism? — *Logos*. Vol. 29. No. 6. P. 85-116. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-6-85-114>
- Fishman L.G. 2019. Boomerang Comes Around? — *Svobodnaya Mysl (Free Thought)*. No. 1. P. 15-23. (In Russ.)
- Gel'man V. 2019. *Nedostoinoe pravlenie. Politika v sovremennoi Rossii* [Bad Governance: Politics in Modern Russia]. Saint Petersburg: EUSP Press. 254 p. (In Russ.)
- Kordonskii S.G. 2008. *Soslovnaya struktura postsovetskoi Rossii* [The Estate Structure of the Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda Obschestvennoe Mnenie. 216 p. (In Russ.)
- Koshovets O.B., Orekhovskiy P.A. 2018. Structuralist Revolution and Transformation of Economics: From Science to Fairy Tale. — *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 143-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086904990000392-3>
- Martianov V.S. 2017a. The Political Limits of "Homo Economicus". — *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 104-118. (In Russ.)
- Martianov V.S. 2017b. The Capitalism, Rent and Democracy. — *Journal of Institutional Studies*. Vol. 9. No. 1. P. 51-68. (In Russ.) <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.051-068>
- Mills C.W. 2007. The Power Elite. (Russ. ed.: Mills C.W. *Vlastvuyushchaya elita*. Moscow: Directmedia Publishing. 844 p.).
- Pivovarov Yu., Fursov A. 2001. "Russian System" as an Attempt to Understand Russian History. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 37-48. (In Russ.)
- Pliskevich N.M. 2006. "Power-Property" in Modern Russia: Emergence and Possible Mutations. — *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 15. No. 3. P. 62-113. (In Russ.)
- Ryabov A. 2008. Revival of the "Feudal" Archaic in Modern Russia: Practice and Ideas. — *Series "Working Materials" of the Carnegie Moscow Center*. No. 4. 16 p. (In Russ.) URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_4_2008.indd.pdf (accessed: 22.05.2021).
- Shlapentokh V. 2008. Contemporary Russia as a Feudal Society: a New Perspective on the Post-Soviet Era. (Russ. ed.: Shlapentokh V. *Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo. Novyi rakurs postsovetskoi ehpokhi*. Moscow: Capital-print. 364 p.).

Startsev Y.Yu. 2019. Neo-feudalism or Neopatrimonialism? Quantitative Analysis of the “New Middle Ages” Conceptualizations in Political Science. – *Vox medii aevi*. Vol. 2(5). P. 127–149. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00017>

Vakhrusheva E.A. 2016. *Politicheskaya filosofiya Fredrika Dzheimisona* [The Political Philosophy of Fredrik Jameson]. Dissertation for the Degree of Candidate of Political Sciences. Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Ural Branch. 157 p. (In Russ.)

Wallerstein I. 2003. After Liberalism. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Posle liberalizma*. Moscow: Editorial URSS. 256 p.).

Wallerstein I. 2004. The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-First Century. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka*. Moscow: Logos. 368 p.).

Wallerstein I. 2016. The Modern World-System. Vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Mir-sistema Moderna. Vol IV. Triumf tsentristskogo liberalizma, 1789–1914*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 496 p.).

Литература на русском языке

Валлерстайн И. 2003. *После либерализма*. М.: Едиториал УРСС. 256 с.

Валлерстайн И. 2004. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М.: Логос. 368 с.

Валлерстайн И. 2016. *Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 496 с.

Вахрушева Е.А. 2016. *Политическая философия Фредрика Джеймисона*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Екатеринбург: ФГБУН Институт философии и права УрО РАН. 157 с.

Гельман В.Я. 2019. “Недостойное правление”: политика в современной России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 254 с.

Дерлугьян Г. 2009. Стабилизационная политсистема в поисках динамизма? – 1-й ежегодный Доклад Института общественного проектирования “Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году — начале 2009 года”. М.: АНО “Институт общественного проектирования”. С. 13–32. URL: http://www.inop.ru/files/Doklad_2009_mr.pdf (accessed: 22.05.2021).

Дин Д. 2019. Коммунизм или неофеодализм? – *Логос*. Т. 29. № 6. С. 85–116. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-6-85-114>

Кордонский С.Г. 2008. *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”. 216 с.

Кошовец О.Б., Ореховский П.А. 2018. Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке. – *Общественные науки и современность*. № 5. С. 143–157. <https://doi.org/10.31857/S086904990000392-3>

Мартыанов В.С. 2017а. Политические пределы homo economicus. – *Общественные науки и современность*. № 2. С. 104–118.

Мартыанов В.С. 2017б. Капитализм, рента и демократия. – *Журнал институциональных исследований*. Т. 9. № 1. С. 51–68. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.051-068>

Миллс Р. 2007. *Властвующая элита*. М.: Директмедиа Паблишинг. 844 с.

Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. 2001. “Русская Система” как попытка понимания русской истории. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 37–48.

Плискевич Н.М. 2006. “Власть–собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации. – *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 15. № 3. С. 62–113.

Рябов А. 2008. Возрождение “феодальной” архаики в современной России: практика и идеи. – *Серия “Рабочие материалы” Московского центра Карнеги*. № 4. 16 с. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_4_2008.indd.pdf (accessed: 22.05.2021).

Старцев Я.Ю. 2019. Неофеодализм или неопатримониализм? Количественный анализ политологической концептуализации “нового Средневековья”. – *Vox medii aevi*. Vol. 2(5). С. 127–149. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00017>

Фишман Л.Г. 2019. Бумеранг возвращается? – *Свободная мысль*. № 1. С. 15–23.

Шляпентох В. 2008. *Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эпохи*. М.: Столица-принт. 364 с.